

Онъ усмѣхнулся не безъ лукавства.—А вотъ изволили слышать, какъ вечеръ, на ночь? Орутъ на весь корридоръ... Т.-е. это высокій, значить, орётъ; а господинъ Горностаевъ, тотъ только его заводитъ... Неприятность такая въ домѣ, ваше в—дѣе, — только и слышишь отъ постояльцевъ неудовольствіе!..

— А вы зачѣмъ меня помѣстили рядомъ?—Онъ сталъ бо- житься, что мѣста другого не было.

— Ну, а тутъ, возлѣ, съ другой руки?

— Занято-сь.

— Кто?

Онъ мялся. Оказалось, что рядомъ со мной почевала игуменья К—в. монастыря въ Г^{орько}, мать Серафима, больная старуха, при- ѣхавшая за двѣсти верстъ, тайкомъ, совѣтоваться съ какой-то вликушей, слава которой гремѣла на три губерніи... Главное я узналъ, однако, не отъ него.

Дѣла и официальные посѣщенія заняли у меня все утро. Въ третьемъ часу, возвращаясь по корридору, вижу, въ пяти шагахъ отъ моего номера, дверь полуоткрыта и изъ нея выглядываетъ маленькая фигурка, въ жилетѣ, безъ сюртука. Замѣтивъ меня, фигурка въ ту же минуту исчезла, но я узналъ ее. Это былъ Горностаевъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ сидѣлъ у меня: бѣдно-одѣтый и пожилой уже человекъ, съ замѣтною просьбью въ темныхъ, по оконечностямъ мягко-вьющихся волосахъ; простые черты и добрый, открытый взглядъ, съ выраженіемъ затаенной грусти во всемъ лицѣ. Всматриваясь въ его сухощавую, маленькую фигуру, я почему-то вспомнилъ ту бѣдную, замученную на пользу науки собаку, о которой вчера говорилъ его товарищъ.

Онъ отзывался объ этомъ постѣдномъ съ какимъ-то стыдливымъ и сдержаннымъ фанатизмомъ, какъ о бездонномъ источникѣ мудрости, неизвѣстномъ свѣту и который ему одному дано было счастье открыть.

— Мертвая буква-сь,—пояснялъ онъ, говоря о наугѣ, которую онъ преподавалъ:—и я копался въ ней какъ червякъ, засыпанный мусоромъ разрушающихся системъ, опутанный формулами, изъ-за которыхъ не проникалъ до меня ни одинъ живительный лучъ. Онъ разорвалъ тенета и выкопалъ меня изъ моей могилы. Черезъ него я первый разъ понялъ, что дальше поверхности, на которой плаваютъ патентованная наука, есть глубина, куда очень немногимъ мыслителямъ удавалось минутами заглянуть. Но они осторожно молчатъ о томъ, что они тамъ видѣли, или доволь-